

Бегунова, Е. Шмель жалит больно : пилоты-близнецы из Орши — о небе Афгана, десятках боевых вылетов и снаряде в бензобаке / Е. Бегунова // Рэспубліка. — 2017. — 14 лют. — С. 1, 11.

**ШМЕЛЬ ЖАЛИТ БОЛЬНО :
ПИЛОТЫ-БЛИЗНЕЦЫ ИЗ ОРШИ — О НЕБЕ АФГАНА, ДЕСЯТКАХ БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ И
СНАРЯДЕ В БЕНЗОБАКЕ**

Ему удалось не только выжить, но и сохранить свою любовь к авиации. Как живет на земле командир боевого Ми-24П Юрию Казакову?

УРОКИ ПАНДЖШЕРСКОГО УЩЕЛЬЯ

– Давай, Юрик, давай! – в запале кричал кто-то из экипажа.

Секунды растянулись в вечность... Трассирующий огонь накрыл нашу колонну с оружием и медикаментами сразу после входа в Панджшерское ущелье. Крупнокалиберный пулемет откуда-то со скал упрямо пытался отрезать голову каравана. Это было обычной тактикой душманов – они всегда подстерегали советских воинов здесь, в разветвленном горном тоннеле, который связывал Баграм с пакистанской границей.

Пилот вертолета Ми-24П (его называли в афгане «шмелем» или «крокодилом» за грозный рокот и устрашающий внешний вид, вызывающий панику у моджахедов) 22-летний лейтенант Юрий Казаков сразу сориентировался в обстановке. Это был первый его боевой вылет. Сейчас вспоминает: не боялся, нет. Некогда было отдаваться страху. Просто старался быть максимально точным. Все движения еще в подмосковном центре переподготовки летного состава и во время тренировочных полетов здесь, на аэродроме вблизи Кундуза, отработал до автоматизма. Лазерный прибор наведения, десятикратное увеличение... Вот оно, логово, – на плато возле пещеры мечутся люди в чалмах.

«Цель вижу! Готов к работе!» – тумблер, кнопка... Управляемая ракета вошла прямо в пещеру. Мощный взрыв. Есть!

– Вы же понимали, что убили десятки людей? Какие чувства? Жалость была? – спрашиваю у воина-интернационалиста.

– Да нет... Просто бешеный скачок адреналина. Как после первого прыжка с парашютом. Главное, что там, внизу, в ущелье, остались живы наши ребята. Их бы точно расстреляли. Но, к счастью, враг (не люди, а именно враг) уничтожен. Да и задумываться об этом было некогда. Возвращение на базу, подъем на борт новой партии вооружения и снова вылет. Мы, как челноки, сменяли друг друга в небе, обеспечивая безопасность движения нашим колоннам. Мой брат-близнец Александр тогда летал в другом экипаже: был строгий приказ братьев в одну машину не сажать. Почему? Не знаю. И хоть Шурка считается старшим (родился на целых 22 минуты раньше), я за него сильно переживал, – вспоминает гвардии капитан в запасе.

Братьям Казаковым, которые крепко-накрепко связали свои судьбы с небом еще мальчишками в аэроклубе, пришлось в числе первых пилотов осваивать новые боевые Ми-24П, только-только запущенные в производство. На территории Афганистана они участвовали в десятках крупнейших боевых операций. Теперь шутят: меняли машины как перчатки. Модернизированные вертолеты были значительно лучше своих предыдущих собратьев по техническим характеристикам и вооружению, но они постоянно обстреливались. И так получалось, что пока одно воздушное судно приводят в порядок, экипаж из двух летчиков и бортового техника воюет на другом, уже прошедшем ремонт после боев. Вертолетам, конечно, доставалось. Несколько вылетов – и машина изрешечена, как сито.

– Самое страшное было, если стреляли сбоку – впереди-то броня, – объясняет военный летчик первого класса. – Хотя от случайностей никто не застрахован. Вот и я однажды приземлился на аэродром со снарядом в баке...

В тот день, рассказывает Юрий, у него были самые обычные боевые полеты. Он бомбил, в него стреляли. В воздухе почувствовал, что подбили, но до базы дотянул. Сел. А потом пришлось вызывать саперов – оказалось, вражеский разрывной снаряд застрял в топливном баке и только чудом не взорвался.

КОГДА СМЕРТЬ РЯДОМ

Трижды пилот боевого вертолета, как вспоминает теперь, смотрел смерти в глаза. И неизменно выигрывал в этом поединке. А вообще-то, подбивали много раз. К этому, оказывается, тоже можно привыкнуть... Выжимаешь из покалеченной машины последние силы, стараясь растянуть пике. Парашюты вертолетчики обычно не надевали – не было смысла. Знали, что, выпрыгивая, можно попасть под мощные винты. И тогда шансов на спасение вообще не останется. Да и прыгать-то на вражеской территории себе дороже. Плен – это самое страшное. Не зря наши летчики, кроме холодного оружия, всегда имели при себе автоматы с обязательным НЗ в один-два патрона. Для себя...

Вот и тогда, когда экипаж Юрия Казакова падал в пропасть у перевала Саланг, бойцы не исключали, что придется воспользоваться своим неприкосновенным запасом. В тот раз у вертолета вышла из строя гидросистема. Он зацепился на краю скалы. Связались по радиации с нашими, а те шокировали: ребята, вы, мол, сели на минное поле... Ни шагу в сторону! Легко сказать... Чуть выше – душманы, вокруг – мины. Заняли пилоты оборону и стали дожидаться саперов.

Я слушаю скупой рассказ Юрия, он лишен яркой эмоциональной раскраски – как будто речь идет об обычных буднях его нынешней работы в качестве водителя международного автобуса, и понимаю: этот человек никогда по-настоящему не боялся за себя. За других – да. Вот голос сразу меняется – капитан запаса вспоминает, как пришлось выручать наших разведчиков, застрявших на горном плато. Внизу и вверх – душманы. Вокруг – скалы и камни. Окруженные врагом бойцы не могут себя обозначить, да и условия для полета жуткие, буйствует песчаная афганская буря. Воздушная операция – как тонкая ювелирная работа. Главное, не задеть своих. Вверх стрелять нельзя – наших засыплет камнями. Рассчитали, прицелились, пошла ракета! Сначала похоронили тех, кто ниже. Потом – остальных. Разведчиков спасли.

Пришлось поволноваться и за врага. Как-то Юрий, сопровождая в Ургунской долине колонну с медикаментами и боеприпасами, услышал в эфире: в другом районе, на границе с Пакистаном, наши вертолетчики попали в беду. Он знал: именно туда улетел с командиром эскадрильи Александр – глушить огневые точки врага, чтобы отрезать караван с оружием для душманов. Неужто сбили?! Как только вернулся на базу, дозаправился, вооружился и вместе с другими экипажами помчался на выручку. Увидел: вертолет Саши кружит в небе над подбитой машиной командира – охраняет, как раненую птицу. А внизу – смертники-моджахеды из отряда «Черный аист»... Бой затянулся, но наши десантники при поддержке авиации отбили тела погибших вертолетчиков.

После этой операции братьев Казаковых вызвал в Кабул командующий округом. И сообщил: летите на родину. Будете представлять округ в московском Дворце съездов. И по-отечески спросил: «Какие пожелания?» А братья в один голос: «Товарищ командующий, нам бы хоть на минутку домой заглянуть!» В итоге командир дал добро на двухдневный отпуск. А еще отправил с ними в качестве сопровождающего своего адъютанта-майора.

ОРДЕНА И НЕБО НА ДВОИХ

Первая задача, с которой столкнулись в Москве, – нужно привести себя в божеский вид. Казалось, что афганская пыль намертво въелась в тела. В столице тогда было холодно, а братья Казаковы в бане, где пытались отмыться, черно-загорелые... Мужики завидовали, спрашивали: вы, наверное, только с моря? Ребята не стали рассказывать про «курорт», куда вскоре опять предстояло вернуться. А вечером в гостиницу к ним с бутылкой коньяка пришел сам... Иван Кожедуб. Легендарный летчик, трижды Герой Советского Союза, маршал авиации на равных общался с молодыми лейтенантами. Рассказывал о Великой Отечественной, живо интересовался возможностями современной авиационной техники... На следующий день именно он во Дворце съездов вручил братьям Казаковым ордена «За службу Родине в Вооруженных силах СССР».

И снова огненный Афганистан... Командировка Александра и Юрия в чужую страну растянулась почти на два года. Примечательно, что никто из братьев-близнецов за это время даже не был ранен. Вот такая судьба. После Афганистана уже в звании капитанов офицеры вместе служили в Чехословакии, потом – в Приволжско-Уральском военном округе. И вот там наш герой поменялся с братом и судьбой, и карьерой. Почти так, как не единожды делали это в Саратовском

высшем военно-авиационном училище на зачетах и экзаменах, выручая друг друга. Александр к тому времени уже был женат, у него росли сыновья-близнецы. Поэтому вместо брата в Закавказский военный округ уехал Юрий. А оттуда в составе миротворческих сил – в Грузию, Осетию, Чечню, Грозный... И тут тоже уцелел. А за боевые заслуги в локальных военных действиях получил Красную Звезду.

Сейчас оба брата часто вспоминают свое боевое прошлое. Юрий работает в автобусном парке в Орше, Александр – в пригородном сельхозпредприятии. Простые, скромные, но все так же, как в юности, влюбленные в авиацию. Благодарят судьбу за то, что остались живы, занимаются спортом, растят сыновей и общаются с однополчанами. А втайне признаются: небо по-прежнему манит, вот только жить приходится уже на земле. К счастью, мирной...

Елена БЕГУНОВА